

Наталья МИХАЙЛОВА

ЖЖЕТ

* * *

В этом городе слово «хлеб»
звучит иначе,
произносят иначе,
чем везде.

Как будто бы улицы раздвигаются,
как будто бы солнце себя стесняется,
и камни стыдятся,
что молчат.

Ленинград.

Я отрежу кусок.
До того как меня проняло,
я столько крошек смела со стола,
я столько оброненного не подняла.

Прости
за невежество мою горсть,

за плоть на моей кости
Спасибо.

* * *

В этом городе смерть
потеряла кольцо,
обручившись,

утонуло оно
в этом озере жизни,

Наталья Юрьевна Михайлова родилась в 1990 году в Ленинграде. Училась в Литературном институте им. Горького (2008–2010, 2013–2014). Публиковалась в газетах и журналах «Пять углов», «Миг-17», «Невское время», «Просцениум», «Нева», «Чиж и еж» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

но каких-то следов,
что здесь праздник ее намечался,
не стереть и правде...

О берег, о берег,
если ты уберег,
стыдно вообще умереть.

* * *

Этот город не мог умереть:
красивее нет,
иду через мост,
созерцаю.

Может быть, они это не видят,
потому то не вынесли бы
вспоминать —

тех, кто не дожил,
как они уходили...

А теперь вода
такая синяя,
как будто бы все забыто.

* * *

Ленинград, пожалуйста, ленинградь,
только называйся по-другому:
Это не сегодня — умирать.

Если ты представишься им «Питер»,
я не буду исправлять.

Этого не взять и не сломать:
с сором смешанное чувство дома,
если что — смогу ремни варить.

* * *

Они и тогда любили,
когда уже было нельзя,
когда уже был конец —
самое время.

Как мало я люблю!
Друг мой, как мало!
Как будто бы этот конец
еще в самом начале.

* * *

Она закрывала уши —
я помню только этот жест —
рассказывая про блокаду —
прабабушка —
изображая ужас,
который уже не пугал.

А на столе лежал
выписанный по пунктам
массаж от морщин,
ей было больше ста:
она научилась жить.

В ДЕРЕВНЕ

Спадали березы
ручьями на звезды:
около клуба
могила солдат.

Едва замечая,
мы мимо ходили:
они победили.

И стоило бы
хотя бы вчитаться,
кто здесь лежит,

но сквозь крапиву
мне не пробраться —
жжет.

* * *

А может, в Ладоге вода
затем такая ледяная,
чтоб не забыли никогда,
как обещали,

ведь вокруг города теперь
кольцо братских могил,

и каждая семья имеет тень
того, кто не дожил.

* * *

Белые слоны в музее
блокадного Ленинграда,
такие же были дома:
стояли в ряд,

Только они пропали.
Когда-то разбился последний,
Мирная жизнь хитрее
и незаметнее бьет.

* * *

На витринах пули,
вынутые из ран:
как странно, мне казалось: война —
это неотъемлемо от прадеда и деда,

а ведь пули вынуты, и чужие они
им, как мне.